



THE ROLE OF SOVEREIGN IMMUNITY AND PUBLIC POLICY IN INTERNATIONAL ARBITRATION DISPUTES

Jamoliddin Rakhmonov

PhD doctoral student

Civil Law. Business Law. Family Law. Private International Law

Tashkent State University of Law

Tashkent, Uzbekistan

ABOUT ARTICLE

Key words: sovereign immunity, public policy, international arbitration, TPF, investment disputes, Uzbekistan, Emmanuel Gaillard, M. Sornarajah.

Received: 16.05.26

Accepted: 17.05.26

Published: 18.05.26

Abstract: This article provides a comprehensive analysis of the doctrines of sovereign immunity and public policy within the context of modern international arbitration. The author examines the evolution of immunity from absolute to restrictive models and analyzes the profound theoretical debate between proponents of transnational arbitration (E. Gaillard) and defenders of state sovereignty (M. Sornarajah). Special attention is paid to the risks of the "commodification of justice" associated with third-party funding (TPF). Based on an analysis of ICSID and the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan practice, the article explores mechanisms for protecting national interests and modern trends in forming a pro-arbitration practice in Uzbekistan.

XALQARO HUQUQ DOIRASIDAGI ARBITRAJ NIZOLARINI KO'RIB CHIQUISHDA SUVEREN IMMUNITET VA OMMAVIY TARTIBNING ROLI

Jamoliddin Raxmonov

Fuqarolik huquqi. Biznes huquqi. Oila huquqi

Xalqaro xususiy huquq yo'nalishi bo'yicha PhD doktoranti

Toshkent davlat yuridik universiteti

Toshkent, O'zbekiston

MAQOLA HAQIDA

Kalit so'zlar: suveren immunitet, ommaviy tartib, xalqaro arbitraj, TPF, investitsiyaviy nizolar, O'zbekiston,

Annotatsiya: Ushbu maqola zamonaviy xalqaro arbitraj kontekstida suveren immunitet va ommaviy tartib doktrinalarining kompleks

Emmanuel Gayyar, M. Sornaradja.

tahliliga bag'ishlangan. Muallif immunitetning mutlaq shakldan cheklangan modelga o'tish evolyutsiyasini tadqiq etadi hamda transmilliy arbitraj tarafdorlari (E. Gayyar) va davlat suvereniteti himoyachilari (M. Sornaradja) o'rtasidagi chuqur nazariy munozaralarni tahlil qiladi. Nizolarni uchinchi shaxslar tomonidan moliyalashtirish (TPF) munosabati bilan odil sudlovning «kommodifikatsiyasi» xatarlariga alohida e'tibor qaratilgan. ICSID va O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi amaliyoti tahlili asosida milliy manfaatlarni himoya qilish mexanizmlari va O'zbekistonda pro-arbitraj amaliyotini shakllantirishning zamonaviy tendensiyalari tadqiq etiladi.

РОЛЬ СУВЕРЕННОГО ИММУНИТЕТА И ПУБЛИЧНОГО ПОРЯДКА ПРИ РАССМОТРЕНИИ АРБИТРАЖНЫХ СПОРОВ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Жамолiddин Рахмонов

Докторант (PhD)

Гражданское право. Бизнес-право. Семейное право. Международное частное право

Ташкентского государственного юридического университета

Ташкент, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: суверенный иммунитет, публичный порядок, международный арбитраж, TPF, инвестиционные споры, Узбекистан, Эммануэль Гайяр, М. Сорнараджа.

Аннотация: Данная статья посвящена комплексному анализу доктрин суверенного иммунитета и публичного порядка в контексте современного международного арбитража. Автор исследует эволюцию иммунитета от абсолютной к ограниченной модели и анализирует глубокую теоретическую полемику между сторонниками транснационального арбитража (Э. Гайяр) и защитниками государственного суверенитета (М. Сорнараджа). Особое внимание уделяется рискам «коммодификации» правосудия в связи с финансированием споров третьей стороной (TPF). На основе анализа практики ICSID и Верховного суда Республики Узбекистан исследуются механизмы защиты национальных интересов и современные тенденции формирования про-арбитражной практики в Узбекистане.

Введение. Современная архитектура международных экономических отношений переживает период глубокой структурный кризис, характеризующийся усилением напряжения между необходимостью обеспечения глобальной мобильности капитала и императивом сохранения государственного суверенитета. В центре этого диалектического противоречия находится международный арбитраж, что является механизмом, призванный служить нейтральным форумом для разрешения споров между иностранными инвесторами и принимающими государствами. Однако эффективность этого механизма неизбежно сталкивается с двумя фундаментальными правовыми доктринами, выступающими в качестве «последнего бастиона» защиты национальных интересов, а именно суверенным иммунитетом государства и оговоркой о публичном порядке. Актуальность всестороннего исследования данной проблемы обусловлена не только теоретической значимостью поиска баланса между частными и публичными интересами, но и практическими вызовами, с которыми сталкиваются развивающиеся экономики. В этот список входит и Республика Узбекистан, что осуществляет поэтапную интеграцию международных норм в национальное законодательство вплоть до конституционных реформ, направленных в эту сторону. Как справедливо было отмечено в Обращении Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева к Олий Мажлису и Народу Узбекистана, обеспечение верховенства закона и надежная защита прав инвесторов являются «важнейшим условием экономического развития нашей страны» и формирования положительного имиджа Узбекистана на международной арене. Президент подчеркнул, что реформирование судебной-правовой системы должно идти по пути внедрения передовых международных стандартов, что напрямую коррелирует с необходимостью глубокого осмысления роли арбитражных институтов и механизмов признания и исполнения их решений. Однако, открывая двери для иностранного капитала, государство не должно утрачивать инструменты защиты своего фискального суверенитета и национальной безопасности. Это требует филигранной настройки правовых механизмов иммунитета и публичного порядка.

Научная новизна статьи заключается в комплексном анализе конвергенции и коллизии доктрин суверенного иммунитета и публичного порядка в контексте новейших тенденций международного инвестиционного права, включая феномен финансирования арбитража третьей стороной (Далее по тексту TPF (Third-Party Funding)). В статье предпринята попытка рассмотреть эти институты не изолированно, а как взаимосвязанные элементы защитной стратегии государства в условиях «коммодификации» международного правосудия. Работа предлагает критическое переосмысление

традиционных подходов через призму научной полемики между ведущими мировыми школами права, таких как французской школой транснационального арбитража и школой TWAAIL (Third World Approaches to International Law) – подходов третьего мира к международному праву. Статье также ведутся глобальные теоретические дебаты на правовую действительность стран Центральной Азии и СНГ.

Целью исследования является выявление теоретических и практических проблем применения суверенного иммунитета и оговорки о публичном порядке, анализ рисков, возникающих для государств в современном арбитраже, и формулирование предложений по совершенствованию правоприменительной практики. Для достижения этой цели в работе детально рассматриваются доктринальные основы иммунитета, эволюция понятия публичного порядка, влияние коррупционных факторов и санкционных режимов, а также специфика исполнения арбитражных решений в Республике Узбекистан.

Методологическую основу данной работы составляет комплекс общенаучных и специально **Методология исследования**. -юридических методов познания. Центральное место занимает доктринальный метод, позволяющий провести глубокий анализ теоретических концепций, лежащих в основе суверенного иммунитета и публичного порядка. Данный метод реализуется через критическое изучение монографических исследований, научных статей и комментариев ведущих мировых ученых в области международного права. Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления подходов различных правовых семей (англо-саксонской и романо-германской) к вопросам отказа от иммунитета и толкования публичного порядка. В частности, анализируется дихотомия между «про-арбитражным» подходом, характерным для юрисдикций, стремящихся стать глобальными арбитражными хабами, на примере Франции и Швейцария, и более консервативным подходом, ориентированным на защиту суверенитета, такими как Китай, страны Латинской Америки, и в том числе Узбекистан. Особое внимание уделяется эволюции законодательства стран постсоветского пространства и его гармонизации с Типовым законом ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже. Метод анализа судебной и арбитражной практики (case study) позволяет рассмотреть реализацию теоретических конструкций в конкретных делах. Эмпирическую базу исследования составили решения Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (далее ICSID), Международной торговой палаты (далее ICC), Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма (Далее SCC), а также решения национальных судов США, Великобритании, Франции, России и Узбекистана по вопросам признания и приведения в исполнение арбитражных решений. Анализ

сфокусирован на прецедентных делах, формирующих современные стандарты доказывания коррупции, оценки публичного порядка и интерпретации подразумеваемого отказа от иммунитета. Теоретическая полемика в исследовании строится на диалектическом противопоставлении взглядов ключевых фигур современной арбитражной науки, чьи позиции формируют полярные точки зрения на природу арбитража и суверенитета. Используются труды таких авторитетных ученых, как Эммануэль Гайяр, Кристоф Шройер, Мутукумарасвами Сорнараджа, Ян Полссон, Хейзел Фокс и Филиппа Уэбб, Марк Вейдемайер, Миту Гулати и других. Их аргументация анализируется в контексте поиска оптимальной модели взаимодействия национальных правопорядков и транснационального правосудия.

Результаты исследования. Институт суверенного иммунитета государства (изначально на французском *l'immunité de juridiction et d'exécution*) является одним из старейших принципов международного права, уходящим корнями в римскую максиму *par in parem non habet imperium* («равный над равным власти не имеет»). Исторически, как отмечают в своем фундаментальном труде Хейзел Фокс и Филиппа Уэбб *The Law of State Immunity*, доминировала теория абсолютного иммунитета, согласно которой суверен был полностью неподсуден судам другого государства без своего явного согласия. Эта концепция, впервые четко сформулированная в деле *The Schooner Exchange v. McFaddon* 1812 года, Верховным судом США, долгое время служила надежным щитом для государств. Однако XX век, ознаменовавшийся активным выходом государств на международные рынки в качестве коммерческих игроков, потребовал пересмотра этой догмы. Как приводят в своих исследованиях ученые Марк Вейдемайер и Миту Гулати в своем анализе двухвековой истории суверенных контрактов, рынок де-факто требовал механизмов принуждения задолго до официального изменения правовых доктрин. Под давлением экономической необходимости произошел «тектонический сдвиг» к теории ограниченного (функционального) иммунитета (*restrictive immunity*). Суть ограниченного иммунитета заключается в дихотомии действий государства, *Acta jure imperii*, действия, совершаемые в рамках реализации властных, публичных полномочий (например, законодательная деятельность, национальная оборона, дипломатия) в которой иммунитет сохраняется в полном объеме; и *Acta jure gestionis*, действия коммерческого характера, где государство выступает как равноправный участник гражданского оборота, в которой государство лишается иммунитета. Эта трансформация была закреплена в законодательстве многих стран (например *The Foreign Sovereign Immunities Act* 1976 года США, *State Immunity Act* 1978 года Великобритании, *The Sapin II law* 2016 года Франции,

ФЗ № 297 «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства» 2015 года Российской Федерации, Law on Foreign State Immunity 2023 года Китая и т.д.) и нашла отражение в Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года (хотя она еще не вступила в силу). Тем не менее, как справедливо отмечает Диана Байзакова, директор Ташкентского международного арбитражного центра ТИАС, даже при переходе к ограниченному иммунитету, вопрос разграничения публичных и коммерческих актов остается предметом острых споров, особенно в странах с переходной экономикой, где государство сохраняет значительное присутствие в стратегических отраслях.

Наиболее острая и теоретически насыщенная дискуссия разворачивается вокруг второго аспекта иммунитета – иммунитета от принудительного исполнения решения (immunity from execution). Если иммунитет от юрисдикции позволяет суду лишь рассмотреть дело, то иммунитет от исполнения защищает государственные активы от ареста и взыскания. Специальный докладчик Комиссии международного права ООН Сомпонг Сучариткул метафорично назвал иммунитет от исполнения «последней крепостью, последним бастионом государственного суверенитета». В арбитражной доктрине сложилось два принципиально разных подхода к вопросу о том, означает ли согласие государства на арбитраж автоматический отказ от иммунитета от исполнения. Подробно в приложениях, в Таблице №1.

Эммануэль Гайяр, основоположник теории автономного арбитражного правопорядка, выдвигает смелый тезис о том, что международный арбитраж существует в собственной юридической реальности, не зависящей от воли конкретного государства места арбитража. В своей фундаментальной работе «Legal Theory of International Arbitration» он говорит, что арбитражное решение черпает свою силу не из национального закона, а из согласия сторон и признания международным сообществом. Следовательно, национальные суды не должны создавать искусственных барьеров для исполнения решений, прикрываясь иммунитетом. Гайяр критикует «вестфальскую модель» и настаивает на том, что если государство добровольно вошло в «арбитражную игру», оно не может в одностороннем порядке менять правила, ссылаясь на свои суверенные прерогативы. Для Гайяра отказ в исполнении решения на основании иммунитета, когда было дано согласие на арбитраж, является нарушением фундаментальных принципов добросовестности (good faith). Но при этом считается, что несмотря на концептуальную стройность теории Гайяра об «автономном правопорядке», попытка изолировать международный арбитраж от воли государства представляется

избыточно идеализированной и вступает в противоречие с фундаментальными принципами международного права. Юрисдикционный иммунитет не является «искусственным барьером», как утверждает Гайяр, а выступает прямым следствием принципа *par in parem non habet imperium*, закрепленного в Уставе ООН. Государство, вступая в арбитражный процесс, не должно утрачивать свой публично-правовой статус, и его суверенитет остается незыблемой основой, а не временной уступкой в «арбитражной игре». Неправильно отождествлять отказ от иммунитета в отношении судебного разбирательства с отказом от иммунитета в отношении принудительного исполнения. Международная практика и национальные законодательства (FSIA в США или SIA в Великобритании) четко разделяют эти два правовых института. Согласие суверена на рассмотрение спора в арбитраже не означает автоматического и безусловного согласия на отчуждение его стратегических активов.

На противоположной стороне находится профессор М. Сорнараджа, яркий представитель критической школы права и подхода TWAİL. В своей работе «Resistance and Change in the International Law on Foreign Investment», он жестко критикует систему инвестиционного арбитража как инструмент неолиберальной гегемонии, обслуживающий интересы западного капитала в ущерб развивающимся странам. Сорнараджа утверждает, что теория «подразумеваемого отказа» от иммунитета является юридической фикцией, созданной про-арбитражным лобби для облегчения доступа к активам суверенных государств. Он настаивает, что отказ от иммунитета от исполнения должен быть *expressis verbis*, то есть, четко выраженным, недвусмысленным и специфичным. Смещение юрисдикционного иммунитета и иммунитета от исполнения, по его мнению, подрывает способность государства выполнять свои публичные функции, так как арест активов может парализовать работу жизненно важных государственных институтов. Он называет попытки расширительного толкования отказа от иммунитета проявлением «права жадности» (*law for greed*), противопоставляя его «праву нужды» (*law for need*) развивающихся наций. Можно прийти к выводу, что подход профессора Сорнараджи представляется обоснованным и стратегически выверенным с точки зрения формирующейся доктрины нашей страны, так как он возвращает международному праву его фундаментальную опору – принцип государственного суверенитета. В условиях современной глобальной экономики, требование четко выраженного отказа от иммунитета выступает достаточно эффективным механизмом защиты национальных интересов. Тезис автора о том, что любая попытка подменить прямое волеизъявление государства доктриной «подразумеваемого отказа» является юридической фикцией,

направленной на легитимизацию доступа частного капитала к суверенным активам, является правильным.

Промежуточную, позитивистскую позицию занимает Кристоф Шройер, ведущий комментатор Вашингтонской конвенции ICSID. Признавая важность эффективности арбитража, Шройер тем не менее подчеркивает, что легитимность системы всецело покоится на согласии государств, выраженном в международных договорах. Он обращает внимание на статью 54 Конвенции ICSID, которая обязывает государства признавать решения как решения своих собственных судов, но при этом статья 55 прямо сохраняет действие норм о суверенном иммунитете от исполнения. Таким образом, Шройер признает правовую коллизию: государство обязано исполнить решение по международному праву, но национальное право может блокировать принудительное взыскание. Для разрешения этого противоречия Шройер предлагает государствам добровольно исполнять решения, чтобы не подрывать доверие к системе, но не поддерживает автоматическое снятие иммунитета без явного согласия. Ян Полссон, в свою очередь, в своей концептуальной критике «мифа о Lex Mercatoria» предостерегает от чрезмерной идеализации транснационального права. Он аргументирует, что арбитраж не может существовать в вакууме и должен опираться на легитимность, признаваемую национальными правовыми порядками. Попытки полностью игнорировать суверенный иммунитет могут привести к обратному эффекту – отказу государств от участия в системе международного арбитража в целом. В статье всецело поддерживается мнение проф. Яна Полссона, так как в действительности основа всего международного права – это добровольное участие в этих отношениях его участников. Сама по себе международное право, будь оно публичным или частным, корнями уходит именно в различные договоры между участниками такого права, на добровольной основе.

Далее, Оговорка о публичном порядке является одним из самых сложных и динамичных институтов международного частного права. В контексте арбитража она выступает как механизм, позволяющий национальному суду отказать в признании и исполнении арбитражного решения, если оно противоречит фундаментальным моральным, правовым или экономическим устоям государства. Статья V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции 1958 года прямо закрепляет это право. В научной литературе и арбитражной практике принято выделять три уровня публичного порядка, каждый из которых имеет свою сферу применения. Первое, внутренний публичный порядок. Это совокупность императивных норм национального законодательства. Нарушение любой императивной нормы (например, формальные требования к регистрации сделки как

указано в ГК РУз) может считаться нарушением внутреннего публичного порядка. Однако в международном арбитраже ссылка на внутренний порядок часто признается недостаточной для отказа в исполнении. Второе, международный публичный порядок (International public policy или Ordre public international). Это более узкая категория, охватывающая только те принципы национального права, которые государство считает обязательными даже в отношениях с иностранным элементом. Это своего рода «фильтр», отсеивающий решения, несовместимые с базовыми представлениями о справедливости данного правового порядка. И третья, транснациональный публичный порядок (Transnational public policy). Это совокупность универсальных ценностей и принципов, признаваемых мировым сообществом (jus cogens). Сюда относятся запрет рабства, пиратства, терроризма, геноцида и, что особенно актуально для современного арбитража, запрет коррупции. Как отмечают исследователи Катрин Ламм и другие, транснациональный публичный порядок становится мощным инструментом в руках арбитров. Трибуналы все чаще ссылаются на него ex officio, даже если стороны не поднимают этот вопрос, чтобы защитить чистоту международного коммерческого оборота.

Проблема коррупции в инвестиционных спорах стала лакмусовой бумажкой для проверки эффективности доктрины публичного порядка. Арбитражная практика выработала подход, согласно которому инвестиции, полученные или поддерживаемые с помощью коррупционных действий, не подлежат правовой защите. Так как это нарушает международный публичный порядок. Для Республики Узбекистан эталонным примером является дело Metal-Tech Ltd. против Узбекистана (ICSID Case No. ARB/10/3). В этом споре израильская компания Metal-Tech инициировала арбитраж против Узбекистана в связи с отменой правительством эксклюзивных прав на переработку молибдена. В ходе разбирательства выяснилось, что инвестор выплатил около 4 миллионов долларов США «консультантам», многие из которых были связаны с государственными должностными лицами, при этом консультанты не обладали необходимой квалификацией для оказания заявленных услуг. Трибунал ICSID, применив доктрину публичного порядка и нормы законодательства РУз о борьбе с коррупцией, постановил, что коррупция при создании инвестиции делает саму инвестицию незаконной. И двусторонний инвестиционный договор между Израилем и Узбекистаном защищает только те инвестиции, которые осуществлены «в соответствии с законодательством» принимающего государства. Следовательно, у трибунала отсутствует юрисдикция для рассмотрения спора по существу. Это решение стало важным прецедентом, демонстрирующим, как государство может использовать публичный порядок в качестве «меча» для защиты от

недобросовестных инвесторов. Как отмечает директор ТИАС Диана Байзакова, данный кейс подчеркивает критическую важность соблюдения инвесторами принципа «чистых рук» (clean hands doctrine).

Как можно увидеть, в последнее время понятие публичного порядка подвергается испытанию в контексте односторонних экономических санкций. Возникает вопрос: является ли исполнение арбитражного решения в пользу лица, находящегося под санкциями, нарушением публичного порядка страны места исполнения? Практика судов стран ЕС и США (как главных профессиональных пользователей санкционных механизмов) склоняется к тому, чтобы рассматривать санкционные режимы как часть сверхимперативных норм (*loi de police*), входящих в состав публичного порядка. Это создает серьезные риски для арбитража в регионе СНГ. Например, если российский инвестор, находящийся под санкциями, выигрывает арбитраж против отечественного контрагента, последний может столкнуться с дилеммой: исполнение решения может привести к вторичным санкциям со стороны западных регуляторов, а отказ от исполнения к нарушению Нью-Йоркской конвенции. Некоторые российские ученые и практики, анализируя этот вопрос, указывают на политизацию публичного порядка, когда он используется как инструмент экономической войны. В то же время, арбитражные институты пытаются сохранить нейтралитет, заявляя, что само по себе наличие санкций не делает спор неарбитрабельным. Однако вопросы исполнения остаются в ведении национальных судов. Что считается полностью оправданным.

Еще, существует растущая тенденция финансирования споров третьей стороной. Это механизм, при котором специализированные инвестиционные фонды покрывают юридические расходы одной из сторон (обычно истца) в обмен на долю от присужденной суммы в случае выигрыша. Сторонники ТРФ аргументируют его необходимость обеспечением «доступа к правосудию» (*access to justice*), позволяя истцам с ограниченными ресурсами отстаивать свои права против мощных оппонентов, включая суверенные государства. Однако есть критики, например Виктория Шеннон Сахани и Кэтрин Роджерс, которые указывают на серьезные риски, связанные с «коммодификацией правосудия» (*commodification of justice*). Их критика сводится на том, что превращение судебного процесса в объект купли-продажи коренным образом искажает саму природу правосудия. В рамках «коммодификации» (отоваривания) правосудия иск перестает быть инструментом восстановления нарушенного права и превращается в спекулятивный финансовый актив, который можно дробить на доли, переуступать или использовать в качестве залога. Сахани и Роджерс подчеркивают, что

этот процесс порождает глубокие этические конфликты как влияние спонсора на принятие решений может подрывать автономию истца и независимость юридических консультантов. Они создают ситуацию, где интересы прибыли доминируют над поиском истины. Более того, концентрация капитала в руках профессиональных судебных инвесторов приводит к тому, что финансируются лишь наиболее коммерчески выгодные кейсы против состоятельных ответчиков (часто суверенных государств), что фактически девальвирует общественную значимость правосудия как государственного института и превращает его в отрасль индустрии развлечений или финансовых спекуляций.

Мы разделяем данную критическую позицию, полагая, что концепция коммодификации не оправдала себя даже в сугубо экономических аспектах, не говоря уже о правовой сфере. Исторический опыт показывает, что рыночные механизмы, внедряемые в социальные и публичные институты ради «эффективности», редко достигают заявленных результатов в виде снижения издержек или повышения качества. Напротив, они часто ведут к монополизации и росту цен. В контексте же юриспруденции коммодификация правосудия представляется глубоко неэтичной, поскольку право на судебную защиту является неотчуждаемым благом, а не товаром, подлежащим извлечению, прибыли третьими лицами. Попытка оправдать TPF через экономическую целесообразность игнорирует тот факт, что правосудие несет сакральную социальную функцию, которая деградирует, как только в процесс вступает анонимный инвестор, движимый исключительно «правом жадности». Таким образом, сохранение суверенного иммунитета и ограничение коммерческого влияния на арбитраж являются необходимыми мерами для защиты этических основ правопорядка от разрушительного воздействия рыночного фундаментализма.

При этом внедрение TPF в систему инвестиционных споров кардинально меняет баланс сил и динамику разбирательства, создавая следующие угрозы для государственного суверенитета. Во-первых, рост числа спекулятивных исков. Ведь фонды рассматривают арбитражные иски как финансовые активы с высокой доходностью. Это стимулирует подачу исков с высокими суммами требований, которые инвестор, возможно, не стал бы подавать за свой счет из-за рисков. Это создает дополнительную нагрузку на бюджеты государств, вынужденных тратить миллионы долларов на юридическую защиту, даже если иск в итоге будет отклонен. Это можно наблюдать в деле Oxus Gold ltd. против Республики Узбекистан, где наша страна, даже формально выиграв дело, все равно потратило слишком много средств на правовую защиту. Вторая проблема — это потеря контроля над урегулированием. Так как условия финансирования часто дают фонду право

вето на мировые соглашения. Фонд заинтересован только в максимизации прибыли, поэтому он может блокировать компромиссные решения (например, неденежные компенсации или реструктуризацию долга), которые могли бы устроить и инвестора, и государство. Это превращает арбитраж из инструмента разрешения спора в инструмент извлечения ренты. В-третьих, так называемая асимметрия ресурсов. Как отмечает М. Сорнараджа, ТРФ усугубляет неравенство между богатыми транснациональными корпорациями, поддерживаемыми глобальными финансами, и развивающимися государствами, ресурсы которых ограничены. Средства, которые могли бы пойти на социальное развитие, перенаправляются на борьбу с финансируемыми извне исками. И в-четвертых, проблема конфликта интересов. Так как отсутствие прозрачности в структуре финансирования создает риски конфликта интересов арбитров, которые могут иметь скрытые связи с фондами. В этой связи многие юрисдикции возвращаются к обсуждению древних доктрин общего права – Финансирование иска за долю (Champerty) и Неправомерном поддержке чужого иска (Maintenance). Хотя в коммерческом обороте эти запреты были ослаблены, в контексте споров с суверенами они вновь обретают актуальность как элемент публичного порядка, призванный защитить судебную систему от превращения в казино.

Далее, наша страна в последние годы демонстрирует решительную приверженность созданию благоприятной среды для международного арбитража. Ключевым этапом стало принятие в 2021 году Закона «О международном коммерческом арбитраже», который практически полностью воспроизводит положения Типового закона ЮНСИТРАЛ. Это законодательство закрепило современные стандарты, включая принцип Kompetenz-Kompetenz, ограниченный перечень оснований для отмены решений и четкую процедуру их признания. Важным институциональным шагом стало создание Ташкентского международного арбитражного центра ТИАС при Торгово-промышленной палате Республики Узбекистан. Под руководством Дианы Байзаковой ТИАС позиционирует себя как нейтральная и современная площадка для разрешения споров на пространстве СНГ, предлагая инновационные правила, включая возможность проведения полностью цифровых разбирательств.

И последнее. Анализ судебной практики Узбекистана последних лет свидетельствует о формировании про-арбитражного подхода (pro-enforcement bias) и отходе от протекционистского толкования публичного порядка. Экономический процессуальный кодекс (ЭПК РУз) в статье 256 и Гражданский процессуальный кодекс (ГПК РУз) в статье 370 воспроизводят основания для отказа в признании решений,

предусмотренные статьей V Нью-Йоркской конвенции. Показательным примером зрелости судебной системы стало рассмотрение Верховным судом Республики Узбекистан дела № 4-10-2209/542 от 20 июля 2023 года. В данном деле должник (узбекская компания) возражал против исполнения решения МКАС при ТПП РФ, ссылаясь на то, что арбитры присудили проценты за пользование чужими денежными средствами в размере, превышающем ставки, допустимые внутренним законодательством Узбекистана (так называемый *interest cap*). Должник аргументировал, что это нарушает публичный порядок Узбекистана. Верховный суд, однако, отверг этот аргумент и поддержал решение нижестоящего суда о признании и приведении в исполнение арбитражного решения. В своем определении Суд подтвердил узкое толкование публичного порядка, указав, что: Простое несоответствие решения нормам национального законодательства (даже императивным) не является *per se* нарушением публичного порядка. Под публичным порядком следует понимать фундаментальные основы правопорядка, суверенитет и безопасность государства, а не технические расхождения в методах расчета убытков или процентов. Пересмотр решения, по существу, под видом проверки публичного порядка недопустим. Этот кейс имеет огромное значение для правовой определенности, демонстрируя инвесторам, что узбекские суды готовы разделять «внутренний» и «международный» публичный порядок, следуя лучшим мировым практикам.

Обсуждение. Синтез теоретического анализа и практических примеров позволяет выявить глубокое напряжение между стремлением государств к интеграции в глобальную экономику и необходимостью сохранения суверенного контроля. Для развивающихся экономик, как таковым является Узбекистан, теоретическая полемика приведенное в настоящей статье, между Э. Гайяром и М. Сорнараджей имеет вполне прикладное значение. Принятие «автономной» теории Гайяра (которая де-факто лежит в основе Типового закона ЮНСИТРАЛ и про-арбитражных реформ) повышает инвестиционную привлекательность, сигнализируя рынку о готовности играть по международным правилам. Однако это также открывает государство для рисков, на которые указывает Сорнараджа: утрата контроля над стратегическими активами и уязвимость перед лицом мощных транснациональных игроков, использующих механизмы ТРФ. Настоящая практика показывает, что Узбекистан выбирает гибридный путь: на уровне законодательства и судебной практики по коммерческим спорам (дело о процентах) реализуется либеральный, про-арбитражный подход. На уровне инвестиционных споров (дело Metal-Tech) государство активно использует защитные механизмы, такие как

доктрина «чистых рук» и ссылка на транснациональный публичный порядок (борьба с коррупцией).

Но при этом, отсутствие в законодательстве Узбекистана специального регулирования финансирования третьей стороной создает серую зону. Как показывает анализ, TPF несет в себе риски «коммодификации», превращая правосудие в бизнес. Опыт Гонконга и Сингапура, которые легализовали TPF, но ввели строгие требования к раскрытию информации (mandatory disclosure), может служить ориентиром для национального законодательства. Внедрение подобных требований в регламент ТІАС или ЭПК РУз позволило бы минимизировать риски конфликта интересов и обеспечить прозрачность, не закрывая при этом доступ к финансированию для добросовестных истцов.

Далее, проблема иммунитета от исполнения остается наиболее сложной. Если суды будут слишком легко снимать иммунитет (следуя теории подразумеваемого отказа), это может угрожать финансовой стабильности государства. Если же иммунитет будет абсолютным, арбитражные решения превратятся в «бумажных тигров». Считаем, что оптимальным решением является закрепление в инвестиционных договорах четких правил отказа от иммунитета, ограничивающих взыскание только коммерческими активами государства, исключая собственность дипломатических миссий, центрального банка и культурное наследие, что соответствует подходу Конвенции ООН 2004 года.

Заключение. Как можно видеть из исследования в настоящей статье, в современном международном праве суверенный иммунитет и публичный порядок перестали быть статичными, «спящими» доктринами. Они трансформировались в динамичные инструменты правовой политики, определяющие границы взаимодействия национальных и наднациональных правопорядков. Проведенное в статье исследование позволяет сделать нижеследующие выводы.

Глобальный мир окончательно перешел к концепции ограниченного иммунитета, однако иммунитет от исполнения остается «последней крепостью» суверенитета. Научная полемика между сторонниками транснационального арбитража (Гайяр, Шройер) и защитниками государственного суверенитета (Сорнараджа) подчеркивает отсутствие единого стандарта в вопросе подразумеваемого отказа от иммунитета. При этом, оговорка о публичном порядке эволюционирует от защиты локальных норм к защите транснациональных ценностей (борьба с коррупцией). Дело Metal-Tech доказало эффективность использования публичного порядка государством для защиты от недобросовестных инвесторов. Но механизм TPF представляет собой системный вызов,

способствующий росту спекулятивных исков и угрожающий суверенитету развивающихся стран. Необходима выработка четких механизмов регулирования и раскрытия TPF.

Реформы в Узбекистане, вдохновленные политической волей руководства страны, демонстрируют прогрессивный сдвиг в сторону про-арбитражного климата. Судебная практика подтверждает готовность судов узко толковать публичный порядок, что повышает доверие инвесторов. В конечном итоге, гармоничное развитие системы разрешения споров требует от государства постоянного поиска баланса. Открытость для инвестиций не должна означать отказ от суверенитета, а защита суверенитета не должна превращаться в инструмент уклонения от законных обязательств. Путь к этому балансу лежит через качественное законодательное регулирование, профессионализм судей и активное участие в формировании глобальной арбитражной повестки.

Приложение.

Таблица №1.

Аспект сравнения	Теория подразумеваемого отказа (Implied Waiver)	Теория строгого разграничения (Distinction Theory)
Основной тезис	Согласие на арбитраж = согласие исполнить решение. Иное делает арбитраж бессмысленным.	Отказ от иммунитета от исполнения должен быть явным и отдельным от согласия на арбитраж.
Ключевые сторонники	Эммануэль Гайяр, Кристоф Шройер (с оговорками), суды Франции (дело <i>Creighton</i>)	Мутукумарасвами Сорнараджа, Хейзел Фокс, суды Китая и РФ
Правовое обоснование	Принцип <i>pacta sunt servanda</i> ; ст. 28(6) регламента ICC; эффективность правосудия.	Принцип <i>par in parem</i> ; защита публичных фондов; ст. 55 Вашингтонской конвенции.

Аспект сравнения	Теория подразумеваемого отказа (Implied Waiver)	Теория строгого разграничения (Distinction Theory)
Влияние на суверенитет	Приоритет транснационального правосудия над национальным суверенитетом.	Приоритет суверенитета и права на развитие над правами инвесторов.

Список использованной литературы:

1. «Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису и Народу Узбекистана». Официальный веб-сайт Президента Республики Узбекистан. 24 января 2020 г. <https://president.uz/oz/lists/view/8834>.
2. Закон Республики Узбекистан «О международном коммерческом арбитраже» № ЗРУ-674 от 16 февраля 2021 г.
3. Экономический процессуальный кодекс Республики Узбекистан (в редакции от 2023 г.).
4. United Nations. United Nations Convention on Jurisdictional Immunities of States and Their Property. New York, 2004.
5. United Nations. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York Convention), 1958.
6. Fox, Hazel, and Philippa Webb. The Law of State Immunity. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2013.
7. Gaillard, Emmanuel. Legal Theory of International Arbitration. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2010.
8. Paulsson, Jan. The Idea of Arbitration. Oxford: Oxford University Press, 2013.
9. Rustambekov, Islambek. International Commercial Arbitration: Textbook. Tashkent: Tashkent State University of Law, 2019.
10. Schreuer, Christoph H., Loretta Malintoppi, August Reinisch, and Anthony Sinclair. The ICSID Convention: A Commentary. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
11. Sornarajah, Muthucumaraswamy. Resistance and Change in the International Law on Foreign Investment. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

12. Sornarajah, Muthucumaraswamy. *The International Law on Foreign Investment*. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Научные статьи и публикации

13. Bayzakova, Diana. "The Tashkent International Arbitration Centre: A New Player in the Region." *Global Arbitration Review*, April 8, 2021.

14. Gaillard, Emmanuel. "The Representations of International Arbitration." *Journal of International Dispute Settlement* 1, no. 2 (2010): 271–281.

15. Lamm, Carolyn B., Hansel T. Pham, and Raül B. Mañón. "Fraud and Corruption in International Arbitration." In *Liber Amicorum Bernardo Cremades*, edited by M.Á. Fernández-Ballesteros and David Arias, 699–731. Madrid: La Ley, 2010.

16. Rogers, Catherine A. "Gamblers, Loan Sharks & Third Party Funders." In *Ethics in International Arbitration*, 177–200. Oxford: Oxford University Press, 2014.

17. Sahani, Victoria Shannon. "Reshaping Third-Party Funding." *Tulane Law Review* 91, no. 3 (2017): 405–472.

18. Weidemaier, W. Mark C., and Mitu Gulati. "Market Practice and the Evolution of Foreign Sovereign Immunity." *Law & Social Inquiry* 42, no. 2 (2017): 445–471.

19. *Creighton Ltd. v. Government of the State of Qatar*. Decision of the Court of Cassation (France), 1st Civil Chamber, July 6, 2000.

20. *Metal-Tech Ltd. v. Republic of Uzbekistan*. ICSID Case No. ARB/10/3. Award. October 4, 2013.

21. *The Schooner Exchange v. McFaddon*. 11 U.S. (7 Cranch) 116 (1812).

22. Верховный суд Республики Узбекистан. Определение по делу № 4-10-2225/540 (Кассационная инстанция). 11 октября 2023 г.

23. Верховный суд Республики Узбекистан. Определение по делу № 4-10-2209/542. 20 июля 2023 г.